

Елена Пестерева

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРУШКИ

«Детство Иисуса» — роман Джона Максвела Кутзее¹, появившийся в 2013-м и переведенный на русский (чудесно, надо сказать, переведенный Шаши Мартыновой) в 2015-м. Почти сразу о нем написало несколько изданий. Общее мнение критиков — роман отличный, один из лучших, если не лучший, интеллектуальная игрушка с множественными библейскими аллюзиями, притча, чьим героям, на удивление, живо сочувствуешь. Кроме того, роман прочитан критикой как антиутопия и как социальный роман. Да, все так.

Фабула такова: Симон привозит мальчика Давида в чужую страну, чтобы найти его маму (или *ему* маму — перевод Шаши Мартыновой так танцует, что на одном только этом слове получается богатая игра смыслов). Они не родственники, переселенцы, мигранты, это не их имена, их так записали в лагере. Метафорически это отец, подыскивающий для будущего сына подходящую мать. Или Взрослый, подыскивающий мать для своего Внутреннего ребенка. Или ангел-хранитель, помогающий душе выбрать родителей. Или Отец, выглядывающий среди людей Марию для Иисуса. Или две души, перевезенные на другой берег по морю каким-то условным Хароном. Или, действительно, мигранты в стране, с непривычки кажущейся как-бы-дружелюбной, эмоционально-отстраненной и чопорной. И еще пара сотен трактовок того, кто такие Симон и Давид и что они делают в чужом, кафкианском и бесстрастном мире, где вместо человеческих эмоций люди чувствуют друг к другу *благую волю*, где вместо еды — *хлеб* насущный, где *очищение* духа означает *забвение* прошлого.

На досуге жители Новиллы (как обычно у Кутзее, она условная и находится неизвестно где) ходят в Институт и предаются там разгадыванию интеллектуальных загадок и философским упражнениям, да-да, старой-доброй игре в бисер. Кутзее над нами шутит. Так что мы не будем искать и находить в «Детстве Иисуса» библейские аллюзии, хоть это и приятно — их много и процесс поднимает самооценку. Не будем не столько потому, что критики уже сделали это до нас, но и чтобы не уподобляться жителям Новиллы, выделяющим из стула его «стуловость» и из кашки ее «кашкочность» (я не шучу, это цитата).

¹ Джон М. Кутзее. *Детство Иисуса*. Пер. с англ. Шаши Мартыновой. ЭКСМО, 320 с.

И еще мы не будем заново обсуждать, что Кутзее как будто не одобряет мира победившего интеллекта и взывает к миру страстей: об этом написана хорошая статья доктора филологических наук И.В. Кабановой — о «философском конфликте романа между разными формами рационализма, которые автор изображает как редукцию живой человечности, и иррационализмом, в котором усматривается гарантия человеческой свободы, потенциал развития».

Попробуем прочитать роман иначе, как роман-взросление — не зря же он позволяет сколько угодно трактовок. Книжка Кутзее о страхе. О том, что, как нам кажется, с нами произойдет, если мы на пять минут откажем себе в страстях и выберем какое-нибудь малейшее самоограничение, например, вегетарианство. В Новилле не едят мяса. В Новилле едят хлеб и фасоль. Фасоль — очень редко, а в основном — злаки. Знаете, из чего состоит основной рацион вегетарианца? Из овощей и злаков. Знаете, что средний вегетарианец отвечает на вопрос о белках? Что он ест бобовые. Знаете, что говорят Симону в Новилле, когда он спрашивает, где же все же найти мяса? Что он может убить крысу. Чувствуете, какое за этим стоит отвращение? Ловить крысу между мусорными баками, убивать ее, обдирать ее шкуру, потом есть ее, всеядную, помоешную. Если *не есть* мяса — это редукция человечности, то что же тогда — *есть* мясо? Варварство? Джон Кутзее — вегетарианец и защитник прав животных с огромным стажем. Он не мог воспевать такого рода витальность, чувственность и свободу серьезно. Он всех обманул.

Помимо жизни без мяса, Симон страдает без пламенного секса. Женщина, с которой он на тот момент живет, говорит ему: «Ты хочешь встречаться с той другой женщиной, потому что я не обеспечиваю того, что тебе нужно, а именно: бурю страсти. Одной дружбы тебе недостаточно. Без сопровождающей бури страсти она какая-то ущербная... На мой слух, это старый способ мышления. В старом способе мышления не важно, сколько у тебя есть, чего-то такого все время не хватает. Название, которое ты предпочитаешь дать этому чему-то такому, — страсть. Но тем не менее я готова поспорить, что если завтра тебе предложат всю страсть, какую ты хочешь, — ведро страсти, — ты скоро обнаружишь, что не хватает чего-то такого еще. Эта бесконечная неудовлетворенность, это стремление к чему-то такому, чего не хватает, — способ мышления, от которого мы избавлены, по моему мнению. Ничего такого. Ничто, которого не хватает, — иллюзия. Ты живешь иллюзией...»

Да. Мы живем иллюзией, что есть что-то такое, что нам очень нужно (обычно деньги, секс, власть, живой человек) и отчего наша жизнь станет лучше, чем была. Мы живем иллюзией, что есть кто-то (Правительство Новиллы), кто обязан позаботиться о нас, но заботится плохо, да еще и запрещает нам вожаемое. Симон все время ждет, что жители Новиллы помогут ему и Давиду, пустят в дом, найдут работу, накормят, буквально станут родной матерью. И остается разочарованным. Это не то что глупо. Но это по-детски. Мы сопереживаем Симону и Давиду всей душой потому, что по себе знаем: инфантилизм и неутолимые страсти — это действительно больно.

Да, мы живем иллюзией, что если мы сами добровольно откажемся от пустых страстей, то наша жизнь станет пресной, скучной, серой, однообразной, взрослой и очень похожей на смерть. Это пустой и надуманный страх. Во взрослении ни страшного, ни скучного нет.

И вторая книга Кутзее, появившаяся на русском языке зимой 2016-го, — «Сцены провинциальной жизни»². У нее долгая история. В 1997 году Кутзее опубликовал «Детство: Сцены из провинциальной жизни» — о периоде жизни в Кейптауне и Вустере с рождения до 19 лет, в 2002-м «Молодость: Сцены из провинциальной жизни» — о юности, поисках любви и писательского признания, в 2009-м «Лето» — записки тридцатилетнего Кутзее и обширные комментарии к первым двум частям. В 2011 году трехчастная исповедь вышла под одной обложкой. «Молодость» была переведена почти сразу Сергеем Ильиным, но книга целиком издана на русском только сейчас в переводе Елены Фрадкиной.

В Кейптауне Кутзее нравилось, а вот 12 школьных лет, проведенных в Вустере — нет, это пыльное захолустье в ЮАР. Позже жизнь в Англии к боли детских воспоминаний добавила презрение к себе за попытки эту боль прекратить. «Южная Африка — рана у него внутри. Сколько еще времени пройдет, прежде чем эта рана перестанет кровоточить? Сколько еще ему скрежетать зубами и терпеть, прежде чем он сможет сказать: “Когда-то, давным-давно, я жил в Южной Африке, но теперь живу в Англии”?» Зубовного скрежета и кровотечения хватило на 40 лет, в 57 Кутзее начал исповедоваться и потратил на это еще двенадцать лет с 2002-го по 2011-й.

Исповедь — не автобиография и не художественный роман. Не знаю, можно ли вообще относить исповеди к жанрам литературы. Это духовный опыт и, даже изложенный словами, мучительный и одинаково сложный и для писателя, и для читателя. Мне известен только один путь читать книги такого рода: путь равной честности. Мальчиков в школе Кутзее пороли едва ли не каждый день — а в вашей? Все детство Кутзее разрывается от любви к маме и стыда за нее — а у вас? Сексуальность возникла в Кутзее примерно в 10 лет и осознавалась им как исключительная порочность, отделяющая его от мира, — а у вас? Словом, после каждого абзаца книги хочется написать свой на ту же тему. Потому что дело не в Южной Африке, а в эмоциональной памяти. К слову сказать, она же двигала Святым Августином, Мисимой, Гари и Прустом.

В пару к Кутзее, я имею в виду, к первому в обзоре роману, американская писательница и славист **Энн Тайлер**. Автор признанный: в 1982 году ее книга «Обед в ресторане “Тоска по дому”» получил премию Фолкнера, «Уроки дыхания» (1988) — Пулитцеровскую премию. «Катушка синих ниток»³ (2015), о которой дальше пойдет речь, — шорт-лист Букеровской премии.

² Джон М. Кутзее. *Сцены провинциальной жизни*. Перевод с английского Елены Фрадкиной. ЭКСМО, 544 с.

³ Энн Тайлер. *Катушка синих ниток*. Перевод с английского Никиты Лебедева. ФантомПресс, 448 с.

По сути, она про тот же способ сделать свою жизнь несчастной: желать чего-нибудь пламенно и страстно, не зная сомнений. Разница лишь в том, что в романе Тайлер речь о потенциально-насытимых желаниях, правда, при не слишком подходящих условиях. В семье Уитшенков прадед Джуниор хотел свой бизнес и роскошный дом в Балтиморе посреди Великой Депрессии, а прабабка Линни Мей хотела за прадеда замуж, несмотря на свои 13 лет отроду и то, что он сбежал от нее за полстраны. Сага о четырех поколениях людей, которые могут что угодно, если это служит главной цели: рвать семейные связи, выбрасывать лишние воспоминания (да-да, то же, что и у Кутзее, *очищение через забвение*, только не в целях подавления страстей, а в целях их утоления), бесконечно ждать, терпеть и не обижаться, работать неустанно. Ежеминутно и годами эти прекрасные люди из лучших побуждений и по мелочам мучают себя и близких, превращая жизнь то в подвиг, то в пытку.

Энн Тайлер — мастер романов о неразрешимой упорной семейной войне двух людей, одержимых личным представлением о счастье. Джуниор тщится забыть деревенское происхождение — и бредит деревянными качелями: отбеленный дуб, чистый цвет, простота и благородство. Но Линни Мей нравится деревенский синий цвет — яркий, «шотландский синий». Если вдруг вам интересно, это такой отвратительный яркий синий, не голубой, не темный мусульманский, а средний «шотландский синий» — тут душа моя целиком на стороне Джуниора-ст. Этой краской красили станции на железной дороге в СССР середины века, и рабочие желдор красили им свои дома в деревнях. Глянцевая масляная краска. Удивительно, что деревенская Америка середины века стояла выкрашенная в тот же цвет.

В молчаливой войне с мужем Линни Мей красит вожделенные качели в синий, а через три дня, найдя их вновь отбеленными упрямым мужем, выливает на цементную дорожку перед домом банку синей краски — цвета нищеты и тоски, пытающейся быть повеселее и понаряднее. Джуниор до конца жизни вытравливает этот след из реальности, но синяя канитель вьется, тянется, не кончается, не рвется, выкатывается из шкафа катушкой в руки его внуку в финале романа — словно мамин дух протягивает катушку.

Словом, роман семейный и социальный, с метафорикой простой, но впечатляющей. Возможно, вы останетесь равнодушны, но я, которая с трудом отвоевала глубокий шоколадный для дачного дома, а потом нашла и мамину кухню и кухню свекрови выкрашенными в шотландский синий — равнодушной не осталась.

Тут Энн Тайлер умиротворяющее сообщает: у людей есть серьезные причины быть такими, какие они есть, — а не другими. Они это не со зла.

Вторая семейная сага разворачивается как раз на территории Советского Союза — это «Лестница Якова»⁴ Людмилы Улицкой. Текст, традиционно для этого автора, густой и горький, как мед, в котором стоит ложка. «Последним романом» Людмила Евгеньевна называла в 2011 году «Зеленый шатер», но тогда же нашла переписку своей бабушки и деда, из которой и сделала во многом автобиографическую «Лестницу Якова». Ее героиня Нора

⁴ Людмила Улицкая. *Лестница Якова*. Редакция Елены Шубиной, 736 с.

после смерти бабушки тоже находит переписку, записные книжки и дневники деда Якова, а Людмила Улицкая разворачивает грандиозное полотно истории шести поколений семьи Осецких от конца XIX века, от киевских еврейских погромов, до наших дней, до начала XXI века. История семьи соседствует и переплетается со взлетами культуры и масштабными трагедиями эпохи. Повествование нелинейное, рассказ о современности чередуется с вставками дневника Якова Осецкого, линии перекрещиваются, третье лицо сменяется первым, полотно ткется и превращается в развернутое высказывание Улицкой, закрывающее, по сути, главную для ее творчества тему семьи. В библейском тексте на лестнице Иаков, сын Исаака, видит Бога и получает благословение всему своему потомству. Людмила Улицкая создает текст-доказательство того, как много общего между внуками и дедами, даже если и виделись они всего одни раз, и времена сменились, и какие крепкие невидимые нити держат членов семьи вместе и делают их семьей — более того, как много общего между всеми людьми, что были, и есть, и будут: «Сто тысяч сущностей, соединенных известным порядком, образуют человека, временную обитель всех личностей. Вот оно, бессмертие. А ты, человек, белый мужчина и черная женщина, идиот, гений, нигерийский пират, парижский булочник, трансвестит из Рио-де-Жанейро, старый раввин из Бней Брака, — только временный дом...» Связь поколений, чувство причастности к общему прошлому, родственники, стоящие за нашими спинами, как бесконечный уходящий в небо клин, — уж не та ли это «земля», не та ли это основа и почва, которой очень не хватает в современном мире одиночек? «Все кончается хорошо: за хеппи-эндом следует смерть. Все в конце концов принимается», — и наступает душевный покой, без суеты, метаний, спешки и страстей, благословенная старость, найденное призвание, прелестные внуки, такой момент в жизни, когда с уважением, благодарностью и пониманием видишь предков на три колена назад и с нежностью и любовью — потомков, на два, а повезет — на три колена вперед. Умиротворение — это главное ощущение от последнего романа.

Ставя лестницу Якова одним концом на землю, Улицкая возвращает нашему слишком плоскому миру утраченную вертикаль. Это символический момент притчи, а может, и реабилитация идеи бога. В контексте эпохи преодоления постмодернизма это не удивительно, книг, реабилитирующих сакральное, очень много.

Но пока что все же — о непреодоленном. Еще один роман, который с большой вероятностью окажется последним — «Торжество незначительности»⁵ **Милана Кундеры**. Он холодно принят критикой и это ужасно жаль. Кундере на момент «Торжества» — 87 лет. Похоже, от него ждали включенности в мир, а роман получился отстраненный, со взглядом на жизнь, как на городок в табакерке. Четыре деятеля Советского Союза (Сталин, Брежнев, Хрущев, Калинин) и четверо французов (очень одиноких, кто с сиротским детством в руках, кто с несуществующей смертельной болезнью, кто с выдуманным квази-пакистанским квази-языком) стоят друг напротив друга, картонные и подвластные своему Карабасу. У Милана

⁵ Милан Кундера. *Торжество незначительности*. Перевод с французского Аллы Смирновой. Азбука, 160 с.

Кундеры есть право личной мести — обращаться с названными историческими лицами, как с куклами: он сам был какое-то время куклой в их руках. Его дважды исключали из КП Чехословакии, он лишился работы и права преподавания, его книги изъяли из всех библиотек, его перестали публиковать на родине, в общем, это были 10 картонных лет с 1968-го по 1979 год, пока его не лишили гражданства. И конечно же, у него есть право писателя-постмодерниста обращаться, как с куклами, со всеми на свете (четверо французских юношей ничуть не живее советских генсеков из книжки, которую они читают друг другу вслух). Это знакомый стиль: такие же анекдоты Кундера рассказывал нам и про бессмертного Гете — и в этом не было мести.

Но есть еще одна причина для условности мира Кундеры: сам Кундера уже за пределами страстей. Он в фазе той кристальной ясности взгляда и невозмутимости, какая была у предсмертного Тютчева и позднего Толстого, когда все становится очевидно, просто и выразимо словами, так невыносимо-легко, как никогда раньше. Роман, возможно, не последний, но точно пороговый. Он из последних сил, о самом важном, как можно короче, на излете материального существования. Это не завещание, это прощание с тем, что дорого.

Кундера гуманист и всегда таким был. Ему нравятся люди и их слабости, нравятся их мелкие странности и грехи, дорога хрупкость и ранимость человеческих существ, шаткость их мира. Раз от раза он избегает назиданий. Но пристально рассматривает и любит их во всей уязвимости и пустом позерстве, с бессмысленной ложью, с пустыми стремлениями, во всей человеческой красе и суете. «Торжество незначительности» — это прощальный взгляд на европейскую историю XX века и душу среднего европейца XXI века. Это не тот роман, с которого стоит начинать знакомство. Но те, кто прожил с прозой Милана Кундера несколько десятилетий, разумеется, слышат прощальный вальс. Потом нам останется всего ничего: дневники, заметки, письма и сборники статей.

В этом обзоре нонфикшн-литературы не будет, а чуть-чуть поговорить о том, каким выглядит мир после смерти, я все же поговорю — на примере «Сидеть и смотреть»⁶ **Дмитрия Данилова** (которого я читаю уже лет десять, ни на минуту не разочаровавшись — большая радость для меня при всей нелюбви к современной отечественной прозе). «Сидеть и смотреть» — экспериментальный сборник текстов трудноопределимого жанра (репортажей? эссе? хроник?). Данилов сидит на площади какого-нибудь города, смотрит и записывает происходящее вокруг в течение 5-6 часов кряду. Что происходило, когда не происходило ничего: кто-то привязывал велосипед, кто-то вышел на балкон, припарковался, опустил руки в фонтан, выбросил сигарету, автобус развернулся. Самого Данилова в этом нет или, по меньшей мере, быть не должно — настолько, насколько вообще можно выключить внутренний голос, убрать наблюдателя из процесса наблюдения, увидеть жизнь такой, какова она без нас и за нашей спиной. Целыми страницами Данилов использует стертый, «общий» язык, вычитая себя из текста, но когда появляются характерные перепады высокой

⁶ Дмитрий Данилов. *Сидеть и смотреть*. НЛО, 240 с.

поэзии и нарочитого канцелярита — автор возвращается в текст. Эксперименты такого рода, безусловно, были в кино и фотографии. Но в литературе, кажется, не было. Между тем, фиксировать реальность, не искажая ее своим сознанием, — захватывающая задача. Такую дистанцию, такую отстраненность, такую безоценочность — мне трудно представить, как можно их выработать в качестве писательского приема. Если убрать смотрящего, то в результате у нас появится ответ на вопрос: каким будет мир, когда меня не будет. Таким же. Меня сейчас нет в Брянске. И нет на Александерплац. И на соседней остановке меня тоже нет. Реальности текущего момента города Афины без разницы, жива я или умерла. Это утешает.

И напоследок о жизнеутверждающей книжке — сборнике средневековых неаполитанских сказок придворного поэта **Джамбаттиста Базиле**. Рецензенты пишут, что это первый в Европе авторский сказочный сборник, пронизавший потом европейскую литературу и отразившийся аж даже в сказках Бажова. «Сказка сказок»⁷ — это 5 глав по 10 историй и одной эклоге в каждой, ослепительно-контрастных: уродливое вдруг трогательно и нежно, как трудолюбивая, но безрукая Пента, горестные плачи обманутых женихами девушек полны физиологических метафор, бытовых деталей и площадной брани, ужас оборачивается фарсом, а сквозь комедию дель арте нет-нет да мелькнет трагедия. Базиле верен раблезианскому духу шуток и страстей: Золушка ломает мачехе шею крышкой сундука, Лючиелла много дней делит ложе с незнакомцем и относит матери его еженощную плату, но разглядев, сколь он прекрасен в утреннем свете, кричит: «Клянусь, ты у меня из лап больше не выскочишь!», у бездетной пары из Миано рождается миртовая ветка, а ревность принца страшна как «дождь над бельем любовных ласк». Начав цитировать Базиле, с барочной густотой, с цитатами из Овидия и речью неаполитанского рынка, остановиться трудно — 1632 год, судите сами: «У одной знатной женщины из Казории, по имени Чеккарелла, был сын, коего звали Перуонто, и был он самым безобразным на вид, самым ужасным тупицею, самым отъявленным балбесом, подобного которому Природа никогда не производила. По этой причине у бедной его матушки душа всегда была черна, словно тряпка, которой моют котлы. Тысячу раз на дню проклинала она колени, которые приняли эту мухоловку, эту бестолочь, от которой не больше было проку, чем от козла молока; и несчастная могла бы кричать, хоть вовсе не закрывая рта, но с проклятого бездельника, как говорится, кроме говна, взять было нечего», — 552 страницы, наслаждайтесь. Если вдруг вам покажется мало, то книжка экранизирована итальянцем Маттео Гарроне и в русском прокате живет с названием «Страшные сказки». На Каннском фестивале фильму ничего не дали, зато можно два часа смотреть на Сальму Хайек в средневековых платьях.

⁷ Джамбаттиста Базиле. *Сказка сказок. Перевод с неаполитанского Петра Епифанова. Издательство Ивана Лимбаха, 552 с.*